

Содержание

Паула ~~~~~	7
Юдит ~~~~~	55
Брида ~~~~~	105
Малика ~~~~~	169
Йоринда ~~~~~	213
<i>Благодарности</i> ~~~~	258

Однажды Паула поймала себя на том, что счастлива. Это было в марте, в воскресенье утром.

Шел дождь. Он начался еще ночью и с тех пор не переставал. Когда Паула проснулась — в половине девятого, — он стучал в наклонное окно спальни. Она повернулась на бок и натянула одеяло до подбородка. За ночь она не проснулась ни разу. И не могла вспомнить, что ей снилось.

Во рту было сухо, и некоторая тяжесть в голове напомнила ей о прошедшем вечере. Венцель готовил ужин и открыл бутылку французского красного вина. Потом они сидели рядом на диване и слушали музыку — «Песнь о Земле» Малера, последние бетховенские фортепьянные сонаты, песни Шуберта, Брамса и Мендельсона. Выискивали на «Ютьюбе» разные интерпретации, сравнивали их и радовались как дети, когда сходились во мнении.

Паула могла бы у него остаться, могла бы провести с ним ночь, но уверяла, что забыла дома лекарства. Между тем гидрокортизон лежал у нее в сумочке. Единственное, чего не хватало, — это зубной щетки и пенки для умывания. Но Венцель счел бы это неважным и уговорил бы ее остаться.

В два часа ночи она села в такси. Венцель стоял у дома, пока машина не свернула за угол.

Она нащупала бутылку воды у кровати и сделала глоток, потом включила телефон и прочитала его сообщение. *Доб-*

рое утро, любимая. Моя первая мысль, как всегда, о тебе. Каждое утро и каждый вечер от него приходит привет. Вот уже десять месяцев, без исключений.

Венцель симпатичен и Лени; она тоже нравится Венцелю.

При первой их встрече он произвел на нее впечатление, за пару секунд набросав ее карандашный портрет. Сходство было разительное, но Лени хотела больше деталей, чтобы похвастаться в школе.

Паула смотрит на часы. До возвращения Лени от отца еще девять часов. Войдя, она бросит свои вещи, пробормочет приветствие и скроется у себя в комнате, но, так и быть, придет отчет о проведенных выходных, без точек и запятых, прикрепив снимки ее единокровных брата и сестры и восторгаясь поварским искусством Филиппы.

Отвечая на утренний привет Венцеля, Паула чувствует, что уже соскучилась по нему.

По утрам ее страсть и нежность особенно велики. Поставив на кухне кофе, она пишет ему недвусмысленное сообщение об этом.

С тех пор как у нее есть Венцель, она уже не так сильно скучает по Лени в выходные дни. А что делать, ведь Лени уже не маленький ребенок. По утрам она пробует перед зеркалом разные типы улыбок; она вырезает и растрепывает дырки в своих джинсах, носит кофты, которые как бы невзначай сползают у нее с плеча, использует блеск для губ и отправляет загадочные сообщения в чат их 7-го «б» класса, состоящие главным образом из смайликов и сокращений. Иной раз она говорит без умолку, чтобы вслед за этим надолго впасть в агрессивное молчание. Она уже сама управляется со своими ночными кошмарами, и уже давно Паула не видела свою дочь голой. Даже тогда, когда Лени однажды утром спросила, не бывает ли в тринадцать лет обвислая грудь. А то, дескать, она посмотрела на свои грудки и об-

наружила, что у них именно *такая* форма. И изобразила в воздухе правой ладонью смешно преувеличенную форму, прижав левый локоть к туловищу. И не успела Паула придумать что-нибудь и ответить, как Лени объявила, что все худшее ей досталось от матери: веснушки, светлая кожа, рыжие волосы, костлявые коленки, близорукость и тупость в таких предметах, как физика и химия.

Наследственность — дело случая, а не чье-то решение, заметила Паула и хотела погладить дочь по голове. Но Лени отдернулась и выбежала вон, хлопнув дверью. Вскоре, однако, вернулась и бросилась в объятия Паулы, чтобы, как видно, подзарядиться для следующей ступени отчуждения.

Дождь шел по-прежнему. Паула выжала апельсины и вспенила молоко для кофе. На столе стоял букет тюльпанов.

А всего год тому назад она бы в такое утро испытывала панику перед длительностью предстоящего дня. Она бы принялась за уборку или за стирку, пошла бы на пробежку или в кино, позвонила бы Юдит, чтобы напроситься на поездку в конюшню, к ее лошади. Ей было все равно, что делать, лишь бы было что делать. Иначе являлись демоны и принимались ее терзать.

После расставания с Людгером она часто спрашивала себя: когда же начался конец? Когда все вышло из-под контроля?

Смерть Йоханны послужила решительным переломом. Но со временем Паула относила дату своего поражения на другие, все более ранние события, пока не стало уже *дальше некуда*.

А началось все с одного праздника.

Паула и Юдит очутились там случайно; дело было в южном пригороде, там открывался магазин биопродуктов. А подружки были на озере, лежали нагишом под солнцем,

смазывали друг друга кремом, ели мороженое и приглядывали друг за другом, как бы не сгореть. Довольные собой и своим видом, они поехали на велосипедах мимо необустроенного парка, через пойменный лес обратно в город, над которым все еще висела липкая жара.

Еще издали они заметили разноцветные воздушные шары, бадью с цветами и людей, собравшихся у магазина. Подругам хотелось выпить чего-нибудь прохладительного, и они остановились.

Людгер стоял недалеко от двери, когда они вошли в магазин. Паула сразу его увидела. Потом он скажет, что и сам заметил ее боковым зрением и после этого уже не спускал с нее глаз. Паула была в зеленом платье без бретелек цвета мха и в шляпе от солнца; из-под шляпы выбивались рыжие кудри.

Снаружи припекало солнце, на улице автомобильные выхлопы смешивались с ароматом цветущей липы, и эту ядовито-сладкую смесь задувало внутрь магазина малейшими порывами ветерка. Людгер был в льняной рубашке. Голубоглазый блондин. Никакой не завоеватель.

Вскоре после этого они покинули праздник. Вели свои велосипеды рядом и болтали.

Людгер то и дело смотрел на нее, но ее взгляда не выдерживал. Когда ему нужно было сказать что-то продолжительное, он останавливался.

Как и Паула, он предпочитал тенистую сторону улицы.

На берегу реки он бегло коснулся ее руки.

На парковой скамье в вечернем свете она его поцеловала.

*

В первые недели они виделись каждый день.

Встречи начинались под дубом в парке Клары Цеткин. Паула, всегда приходя раньше, видела, как он на своем гоночном велосипеде появлялся на дорожке из-за поворота,

и махала ему издали. Каждое свидание начиналось с легкого смущения; правда, оно проходило после первого поцелуя.

От этого дуба они предпринимали свои прогулки по парку и приграничным кварталам города. Пауле нравилось, как он склонял голову набок и улыбался, глядя на нее. Его низкий голос и спокойная речь ей тоже нравились. Его потребность в движении действовала на нее заразительно, его знания по экологичному строительству, автаркичной жизни, флоре и фауне впечатляли ее.

Людгер часто приходил к ней в книжный магазин.

Иногда она видела, как сперва появлялась его голова, когда он поднимался на эскалаторе в отдел беллетристики. Иногда он заставал ее врасплох, когда она сортировала книги или составляла заказ. Тогда он сдержанно касался ее кисти или локтя, и она оборачивалась к нему, чувствуя тайную радость оттого, что ее коллеги видят, как он хорош собой.

Общие ночи они проводили у него. Только однажды он ночевал у нее в квартире, которую она тогда снимала на двоих с Юдит. В тот вечер они сидели втроем, с пиццей и красным вином. От любого предмета разговора Людгер перекидывал мостик к своей профессиональной области — экологическим следам, которые оставляет после себя человек, и заботе о том, чтобы их было как можно меньше. Он то и дело перебивал Юдит — углубиться в тему, исправить неточное высказывание.

Паула видела, как нервно подергивалась ступня подруги, а губы ее напряженно сжимались, и уже знала, что за этим последует.

На другой день Юдит вошла к Пауле в комнату со стопкой своих медицинских учебников и заявила, что перед выпускными экзаменами нуждается в покое, поэтому пусть Людгер больше не приходит сюда.

*

Ночью они лежали, тесно прижавшись друг к другу.

Их ладони или ступни то и дело соприкасались. Паула гладила его спину, а сама при этом считала удары колокола церковной башни напротив, и если до утра оставалось еще достаточно долго — она умещала свою ладонь у него между ног.

Она не придавала значения тому, как проходили их ночи, и тому, что Людгер обо всем, что они делали в эти часы, говорил *это*. *Это* тебе нравится? А *это* ты хочешь? Она также не удивилась, что он отпрянул, когда она впервые принялась обследовать языком неназываемые места его тела. Но в конце концов допустил это. Тихо лежал, скрестив локти поверх лица.

А потом уже и не закрывался.

Людгер рассказал о гибели своих родителей. Когда он говорил о том, что их смяло грузовиком в хвосте пробки, голос у него стал деревянный. Они тогда ехали к нему в гости. За несколько дней перед тем он получил свой диплом по архитектуре.

Паула целовала его плечи и шею, а он положил голову ей на грудь.

*

Через несколько месяцев после их знакомства Людгер предложил ей зайти к нему в архитектурное бюро. По голосу чувствовалось его волнение, но он не хотел выдавать причину. Когда Паула появилась в бюро «Бринкман & Крон», братья Бринкман синхронно повернулись к ней на своих вертящихся стульях — они улыбались. Людгер опустил голову, взял Паулу за руку и увлек за собой в переговорную комнату.

На столе лежал план квартиры — это был лофт с потолком высотой четыре метра и жилой площадью в три-

ста квадратных метров. На одном дыхании он объяснил ей, в каких местах нужен подиум, чтобы структурировать пространство, и где будет лестница на открытую галерею; рассказал, почему жилище функционирует и без отдельных комнат, и даже без разделительных стенок. Увлеченный собственным воодушевлением, он наконец мимоходом обронил:

— Здесь мы будем жить.

Паула ничего не сказала. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы понять.

Она вспомнила, что он не раз говорил о церкви напротив его дома: мол, она угнетает его. Людгер не хотел, чтобы эта церковь каждый день напоминала ему, какие строения *люди Христа*, как он их называл, возвели своему Богу из благоговейного ужаса.

— Что ты на это скажешь? — спросил он. — Ты рада?

На следующий день они поехали на велосипедах осмотреть сам лофт. Встретились все под тем же дубом в парке. Уже в шапках, шарфах и перчатках, они направились в один из тех кварталов, куда сама Паула ни за что бы не свернула, но Людгер предсказал ей скорое развитие этого района. Лофт располагался на улице с булыжной мостовой, окаймленной деревьями, из окон открывался вид на канал, а здание походило на вокзал. Поблизости не было не только церкви, но и почти ничего другого. Внутри неоштукатуренных стен было холодно, и ее первым импульсом было уйти отсюда как можно скорее.

Людгер разложил на полу план помещения. Он обошел весь зал, проверил кирпичную кладку и окна и начал описывать будущие преобразования. Паула уже видела кухонный блок на деревянном подиуме, уже чувствовала дощатый пол у себя под ногами, поднялась по лестнице в спальное пространство и с галереи, опершись на перила, оглядела все помещение.